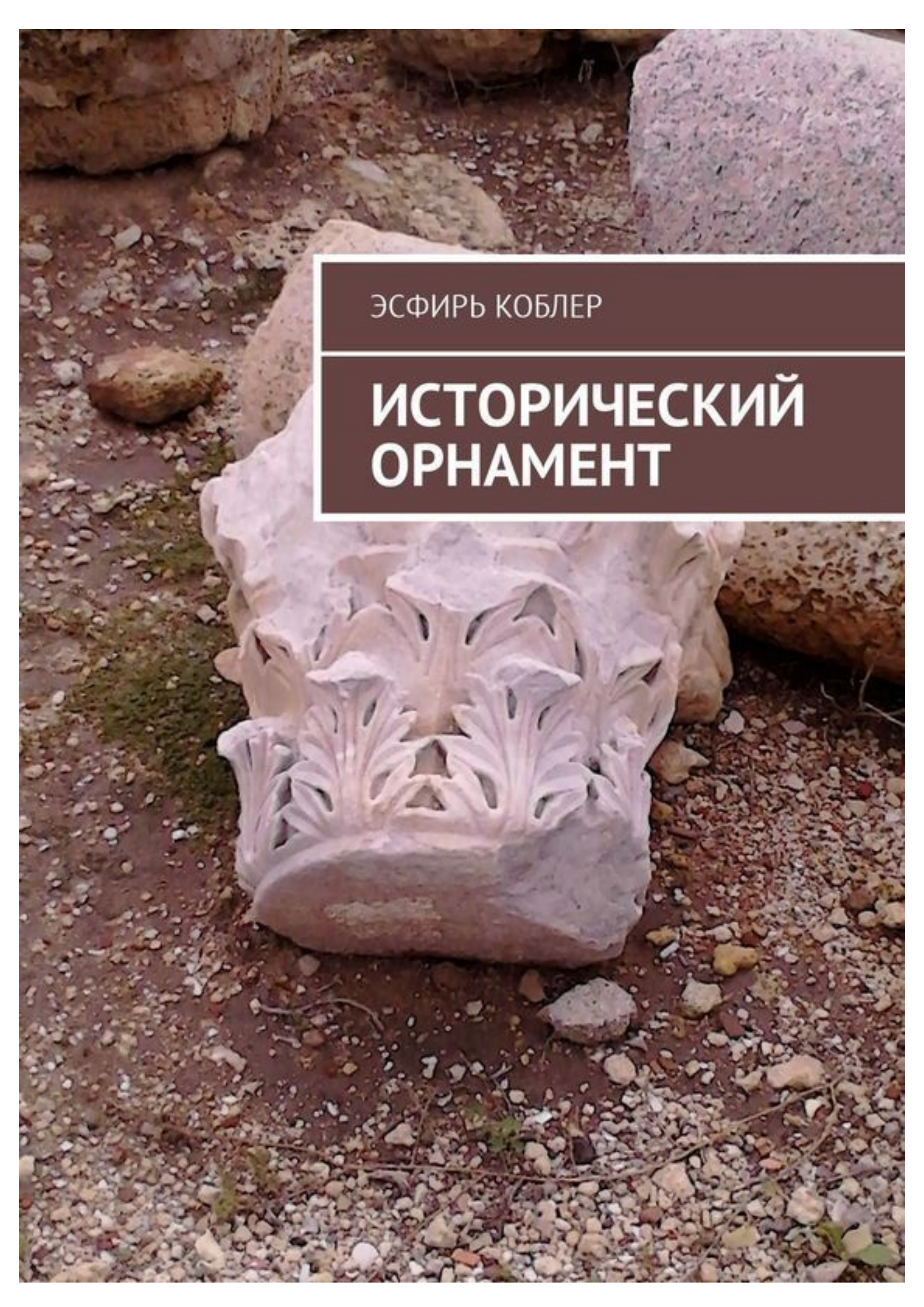

ЭСФИРЬ КОБЛЕР

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОРНАМЕНТ

Эсфирь Коблер

Исторический орнамент

«Издательские решения»

Коблер Э.

Исторический орнамент / Э. Коблер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851029-8

«Исторический орнамент» — это опыт перевоплощения прочитанного в мифах, легендах, изученного по историческим материалам и современным археологическим данным — в единое повествование об истории народов. Книга состоит из двух частей: 1. «Греческая ваза», куда входят рассказ «Леонидис и Хлоя» и одноактная пьеса — «Орфей и Эвридика». 2. «Иудейские тетради». В нее входят две повести — «Царь Соломон» и «Время разбрасывать камни», а также рассказ «Признание Павла» — восхищение личностью Апостола Павла.

ISBN 978-5-44-851029-8

© Коблер Э.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА	6
Леонидис и Хлоя	6
Орфей и Эвридика	14
ЧАСТЬ 2. ИУДЕЙСКИЕ ТЕТРАДИ	22
Время разбрасывать камни	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Исторический орнамент

Эсфирь Коблер

© Эсфирь Коблер, 2017

ISBN 978-5-4485-1029-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА

Леонидис и Хлоя

Самое жаркое время, середину лета, Леонидис, наконец, решил провести на одном из прелестных островков, разбросанных во множестве в Эгейском море. Там у его родителей была, как они со смехом говорили, загородная вилла. На самом деле – всего лишь скромный деревенский дом, окруженный небольшим садом, издавна принадлежавшим семье отца Леонидиса. Когда дедушка и бабушка были живы, Леонидис проводил у них почти каждое лето, а после их смерти, он «в поместье» не появлялся. Сначала учеба в старших классах колледжа, потом поступление в Школу кинематографии в Афинах, в общем, некогда было. Родители его, люди очень занятые, – отец архитектор, мать —модельер, – мало имели времени для досуга, а если имели, то проводили его в Европе. Отцу нравилось путешествовать, а мать должна часто бывать в Милане и Париже на показах моды.

Старый дом, с прелестным, но запущенным садом, вновь очаровал Леонидиса, и напомнил о детстве. Сейчас он вел почти монашеский образ жизни: часами слушал Моцарта и Баха, и все время фотографировал и снимал на камеру свой сад с многовековыми оливами, кипарисами, лавром; деревьями, искореженными временем, или густые заросли травы; многообразие цветов, название которых он не знал, посаженных еще бабушкой, но выживших в благодатном климате. Все это великолепие буйной природы, прекрасная музыка и полная тишина, давали ему чувство покоя и гармонии. Он как-то смутно вспоминал шум и суету столичных Афин, и ему казалось, что теперь у него другая жизнь, которой, как это ни странно, он готов отдать предпочтение. Он много читал. Принципиально решил летом насытиться классикой: Гомер, Шекспир, Гёте, трагики – Эсхил, Еврипид. Отдых и работа переплелись в эти дни. Но чем больше он работал, тем сильнее ощущал радость бытия, свободу быть самим собой, заниматься любимым делом. В глубине души он гордился собой. Но ему не хватало, – он остро чувствовал, – любви. «Наверное, – думал он, – в этом богом заброшенном краю вряд ли можно найти достойную девушку. Если только неприязнательную пастушку для легкого флирта», – смеялся он над собой. Несколько раз он замечал вдали девушку в белых джинсах и белой летящей рубашке, которая сопровождала пастухов со стадом овец, и никак не мог понять, что она делает здесь. Однажды он разглядел на плече у нее этюдник, и мысленно улыбнулся: «Местная художница запечатлевает местные красоты», – ехидно подумал он.

Леонидис забыл бы о ней, если бы не встретил девушку возле своего дома. Она непридуманно устроилась за оградой, и, как бы чувствуя себя хозяйкой всего острова, спокойно писала этюд сада – его, Леонидиса, действительно живописного, сада. Это сначала возмутило, потом рассмешило Леонидиса, и он вышел к девушке.

– Позвольте пригласить вас в мой сад, если он вам так интересен, – весело сказал он, широко распахнув калитку. Внимательно посмотрев на нее, остолбенел. Девушка напоминала Афродиту с картины Боттичелли: та же вытянутая стройная, как бы летящая фигура, те же золотистые волосы, падающие вдоль спины до колен; открытые, огромные глаза, синие, как небо, внимательно и вопрошающе смотрели на него.

Леонидис смутился и смешался. Вот уж чего он не ожидал от себя! Но девушка неожиданно улыбнулась.

– Я вам очень благодарна. Ваш сад, действительно, приманка для художника. – И она вошла в сад, ища место для наиболее интересного обзора.

Леонидис, как заворожённый, поплелся за ней. Он, правда, успокаивал себя тем, что, наверное, местная знаменитость рисует примитивные, открыточные пейзажи. Спросив разрешения, он встал у нее за спиной и вновь был потрясен. У этой девушки рука настоящего мастера, сразу понял он. Еще не зная её имени, Леонидис почувствовал, что пропал. Такое сочетание красоты и мастерства просто оглушили его.

Как бы прочитав его мысли, девушка бросила через плечо.

– Меня зовут Хлоя, а вас?

– Леонидис, – еле выдавил он.

С этого дня Леонидис внимательно следил, куда направляется Хлоя. И, едва завидев её, хватал кинокамеру или фотоаппарат, и спешил за ней. Часто он снимал, а она писала одни и те же пейзажи. Леонидис, несмотря на небольшой стаж, – он учился на третьем курсе в Школе кинематографии, – подавал большие надежды. Он уже дважды завоевывал гран-при среди студенческих работ на разных фестивалях. Он прекрасно разбирался в искусстве, и в живописи, в частности. Работы Хлои завораживали. Они были неожиданны. Они никогда фотографично точно не передавали окружающее. Пейзаж – море, горы, деревья – все ожидало, дышало; в них жила живая душа. Она по наитию, – Леонидис понимал это, – делала то, к чему ему придется стремиться всю жизнь.

Вскоре Леонидис узнал, что девушка – дочь местного зажиточного крестьянина. Большая часть острова и стада овец принадлежат ее отцу. Мальчики, которые вместе с пастухами пасут отары – ее братья; отец хочет, чтобы дети приучались к труду, и летом, когда заканчиваются уроки в школе, заставляет их работать вместе с пастухами. Её, Хлою, никто не заставляет ходить вместе с ними, но так ей удобней – весь остров в ее распоряжении, а красоты здесь столько, что впечатлений хватит на всю жизнь.

– У кого ты училась живописи? – как-то спросил он девушку.

Хлоя удивленно посмотрела на него.

– Странно, ты же сам знаешь: в Греции живописные пейзажи на каждом шагу. А древние скульптуры и рисунки на амфорах – лучшие учителя. Правда, учитель рисования в школе преподавал мне основы рисунка, но, в конце концов, сказал, что ему нечему меня учить.

«Еще бы, – подумал Леонидис, – такая врожденная способность к живописи нуждается только в хорошей огранке и постановки руки».

– Ты бывала в Афинах?

– Нет. Искусство Древней Греции я изучала только по иллюстрациям и по обломкам керамики в местном музее.

«Слава богу, – подумал Леонидис, – ничто не затуманивает ее взгляд».

Хлоя продолжала:

– Мы с родителями решили, что эту зиму я проведу дома, а на следующий год поеду в Афины поступать в Академию живописи и ваяния.

– Даже не знаю, что тебе сказать. По-моему, тебе нечему учиться у профессоров. Скорее, это они должны учиться у тебя свежести восприятия.

– Какой ты странный, – засмеялась Хлоя, – надо все время совершенствоваться, иначе потеряешь то, что имеешь.

«Да, – подумал Леонидис, – ни разу не встречал я ее сверстниц столь талантливых и столь серьезно относящихся к своему дару. Наверное, провинция сохраняет что-то чистое в человеке».

Действительно, островок стоял в стороне от туристических дорог. Здесь не бродили толпы туристов, не выставлялись напоказ бесконечные древности, которых немало осталось в Греции, несмотря на века уничтожения и ограбления. В тишине и простоте больше чувствовался дух Древней Эллады, чем в суете Афин или на курортах.

Островок был небольшой, поэтому, если забраться на холм повыше, то со всех сторон увидишь море. Солнце вставало, вернее, выплывало из моря на востоке, сразу, освещая золотом морскую гладь, заставляя все вокруг светиться бесконечным золотистым переливом, и садилось в море, долго розовым шаром вися на западном горизонте, наполняя морскую гладь красно-оранжевым светом, а потом резко падало в воду, и мгновенно наступала ночь с яркими звездами и долгожданной прохладой.

Леонидис и Хлоя стали неразлучны. Но он не решался побывать у нее дома. Ему казалось нетактичным беспокоить родителей Хлои. Достаточно было того, что они виделись каждый день: она делала наброски, он снимки, потом они обсуждали то, что их волновало. Леонидису было спокойно и приятно с девушкой. Он даже не задавал себе вопроса – влюблен ли он. Ни разу не пытался ее поцеловать или обнять, но не видеть ее хотя бы один день он не мог. Лето пролетело незаметно. Леонидис без сожаления собирался в Афины. Он был доволен отснятым материалом, временем, проведенным с Хлоей, встречей со старым домом. Улетая, он просто сказал Хлое, что встретятся они, вероятно, следующим летом.

Но Хлоя точно знала, что она влюблена. Ни разу не позволила она Леонидису посмотреть на нее более чем дружески, но в её душе бушевала буря. Она влюбилась первый раз, влюбилась искренне и страстно. Мир засветился для нее каким-то невиданным светом, заиграл новыми красками. Она видела, что Леонидис увлечен ею, но его отстраненность не давала ей возможности выказать свои чувства. Её переживания изливались лишь в новом свечении красок, более жесткой четкости рисунка, бесконечной упорной работе.

Леонидис на самом деле не мог понять, что с ним происходит. Он был красивым парнем: высокий, спортивный; черные волосы, темные глаза, веселая улыбка, талант – все привлекало девушек. У него было множество романов, но то, что он испытывал к Хлое, иначе, чем восхищением он назвать не мог, и потому был сдержан. Первое время, после возвращения в Афины, встреча с родителями, с друзьями, монтаж отснятого материала притупили воспоминания о Хлое. Но потом, когда жизнь вошла в обыденную колею, лето, проведенное на острове, стало казаться ему каким-то волшебным сном. Он вдруг остро почувствовал, как ему не хватает Хлои, и понял, что он не просто увлечен, а любит, глубоко и сильно. Поэтому, когда пришло время Рождественских каникул, Леонидис, сказав родителям, что ему надо доснять материал, вернулся на остров.

Зимой в старом холодном доме было неуютно. Он брал лыжи, поднимался на холмы, вершины которых были покрыты плотным снегом и прокладывал лыжню. Он все время думал, как ему попасть в дом Хлои, и ругал себя за то, что не удосужился познакомиться с ее родителями. Однажды он увидел, что склон холма недалеко от домика Хлои очень хорош для новой трассы, и с утра отправился туда. Леонидис провозился до вечера, прокладывая лыжню, промок и продрог, но с удовлетворением решил, что и трасса готова, и повод постучаться в дом Хлои тоже нашелся.

На пороге его встретил статный пожилой мужчина, отец Хлои, как догадался Леонидис.

– Простите, я Леонидис, ваш сосед. Прокладывал лыжню и совсем промок. Не позволите ли мне обсушиться у камина?

– Входите, входите, Леонидис. Конечно, вот идите ближе к огню. Мы заочно знакомы с вами. Позвольте представиться. Я Дриас, отец Хлои.

В глубине коридора Леонидис увидел Хлою, сияющую радостной улыбкой, и всем существом потянулся к ней.

За столом весело болтали. Мать Хлои, Напа, моложавая и подвижная женщина, все время подкладывала ему на тарелку мясо в остром соусе, отец приготовил специально для Леонидиса горячий пунш, чтобы он не дай бог, не замерз после целого дня на снегу. Братья Хлои притащили журналы с изображением последних автомобильных новинок, а узнав,

что дома, в Афинах у него есть спортивный автомобиль, с визгом накинудись на Леонидиса с расспросами и просьбами. За окном поднялся ветер; мокрый снег с дождем, темнота, холод – все сгустилось там, на улице, а здесь, в доме Хлои царили покой и уют. Его оставили ночевать, потому что, действительно, на улице было противно. И, сидя у камина, и попивая свой пунш, Леонидис просто блаженствовал. Он смотрел на Хлою, на ее светящиеся глаза, нежное лицо и не понимал, зачем ему возвращаться в Афины. Он был счастлив как никогда.

– Знаешь, – говорил Дриас, – мы ведь были знакомы с твоими бабушкой и бабушкой. Островок-то небольшой. Они много рассказывали о тебе, гордились тобой. Ты, действительно, красавец. А если ты также талантлив, как говорили они, то пусть судьба тебе улыбнется. – Отец весело посмотрел на Хлою.

– Ну что ж, пора спать, – сказала Напа. Два часа ночи. Дочка, отведи гостя в верхнюю спальню.

Когда Леонидис и Хлоя поднялись наверх, он не выдержал и крепко поцеловал ее. Влажные нежные губы перевернули все его существо. С этого момента он не принадлежал себе. Быть рядом с Хлоей, фотографировать ее, снимать на камеру всё, что делает она, казалось ему самым важным в жизни.

Каждый день он приходил в дом Хлои и не скрывал, ради кого и ради чего он ходит. Дом был небольшой, и им редко удавалось уединиться, чтобы поцеловаться и обнять друг друга, но каждый поцелуй доставлял Леонидису новое наслаждение.

Перед отъездом, сидя за общим столом на прощальном ужине, Леонидис, наконец, решился.

– Вы все знаете, конечно, – сказал он, поднимая бокал вина, – почему я так часто, просто неприлично часто бываю у вас. Так вот, – замялся он, – я хотел бы, если Хлоя согласна, а вы не против, я хотел бы, чтобы Хлоя стала моей женой.

Все зашумели, посмотрели на Хлою, бледную и молчаливую, но глаза её говорили сами за себя.

– Я согласна, – тихо сказала она.

Начались поздравления и обсуждения будущей жизни.

– Я – сказал Леонидис, – должен поговорить с родителями. Уверен, они возражать не будут. Но они возлагают на меня большие надежды. Я многим им обязан. Я хотел бы летом забрать Хлою в Афины, познакомить ее с родителями, объявить о нашей помолвке и, – он хитро взглянул на Хлою, – устроить выставку работ Хлои. Но в следующем году у меня диплом. От того, насколько удачной будет моя картина, зависит и работа, и наше с Хлоей будущее. Мне хотелось бы сыграть свадьбу после защиты диплома.

Родные Хлои одобрили этот план, посчитав его благоразумным.

Радостный и окрыленный Леонидис вернулся в Афины.

Как он и предполагал, родители были тактичны, и сказали, что согласятся или нет с его выбором, когда познакомятся с Хлоей. (О! Он не сомневался в их согласии!). Ему казалось, что не любить Хлою просто невозможно. Теперь Леонидис работал по 10—12 часов, стараясь как бы спрессовать время, приблизить летние каникулы, когда Хлоя придет к нему. Он снял большую студию, где рассчитывал устроить выставку работ Хлои. И действительно, к ее приезду студия была отремонтирована и готова к показу картин. Леонидис чувствовал, что среди огромных окон, из которых видно море и Акрополь, на фоне белых стен работы Хлои будут смотреться особенно хорошо. Ее пейзажи были воплощением мечты, ожившим представлением о мечте. Живые деревья на картинах Хлои, летящее и сверкающее море, бездонное в своей глубине небо – это та Эллада, которая живет в душе каждого грека, и о которой он мечтает, как о стране обетованной.

Встретив Хлою в аэропорту, Леонидис сразу повез ее домой, чтобы познакомить с родителями.

– Вот увидишь, они тебе понравятся. Они добрые, умные, творческие люди. Отца зовут Костос. Он архитектор. Старается примирить современную архитектуру и традиции Эллады. Моя мать – армянка, Корина. Но ее семья уже два века обитает в Афинах. Она дизайнер одежды. Они в меру религиозны. Оба православные. Я показывал им снимки твоих работ, и, насколько снимок может передать живопись, им понравилось.

Хлоя слушала его и улыбалась. Ей было хорошо. Афины, Леонидис... Но встречи с его родителями она все же побаивалась. Конечно, на чувства Леонидиса ничто не повлияет, однако хотелось бы, чтобы все прошло благополучно.

Просторная, но довольно большая квартира, светлая и хорошо обставленная, очень понравилась Хлое, а ее комната, уютная, с примыкающей ванной и отдельным входом, просто покорила.

Приняв ванну и отдохнув, Хлоя вошла в гостиную, где уже собралась вся семья.

Леонидис вновь восхитился, увидев девушку в розовом платье из легкого шелка, струящегося вдоль ее стройного тела и в простых, но изысканных туфлях. По тому, как заулыбалась его мать, Леонидис понял, что она оценила благородство и вкус Хлои.

Очень церемонно – он явно волновался – Леонидис, взяв Хлою за руку, подвел к своим родителям, сидевшим на диване в дальнем углу комнаты.

– Позвольте мне представить, – мама, отец, – Хлою, девушку, которую я считаю своей невестой, и которую мечтаю назвать женой.

Костос, высокий седовласый красавец, церемонно поцеловав руку Хлои, сказал, что очень рад такому выбору сына, и тут же стал шутливо ухаживать за девушкой, мать Леонидиса, хрупкая обаятельная женщина, непринужденно болтала с ней о моде, по тому, как мать обсуждала с Хлоей конструкции новой коллекции, Леонидис понял, что его невеста понравилась.

Два месяца Хлоя могла оставаться в Афинах, а потом Леонидис отвезет ее к родителям. Решили, что в этом году он защитит диплом, – возможно участие в числе дебютантов на Венецианском фестивале, – а Хлоя поступит в Академию живописи следующим летом. Весной же, когда выпускная работа будет готова, они сыграют свадьбу.

Хотя это и отодвигало их совместную жизнь на целый год, но, подумав, молодые посчитали, что так будет лучше. Пока же Леонидис готовил выставку работ Хлои, а она без устали ходила по многочисленным музеям Афин и рисовала, рисовала...

В начале августа в студии, арендованной Леонидисом, выставка открылась. Леонидис, в силу своего положения в обществе, имел связи со всем художественным и кинематографическим миром Греции. Он пригласил на вернисаж известных критиков, художников, репортеров. По почтительному молчанию и внимательным взглядам, по тому, как долго задерживались критики у каждой картины, у каждого рисунка, он понял, что работы Хлои произвели впечатление, что она, несомненно, стала открытием, – его открытием, – может быть, лучшим греческим художником последних лет. В душе он очень гордился Хлоей.

Один из самых известных и влиятельных обозревателей художественной жизни Афин подошел к нему со словами:

– Поздравляю. Давно не видел я работ столь значительного художника, такой твердой руки, таких одухотворенных пейзажей. К тому же, – он лукаво улыбнулся, глядя на Хлою, – она прелестна.

Леонидис чувствовал себя самым счастливым человеком. Он видел восхищенные взоры мужчин и завистливые взгляды женщин. Хлоя выделялась естественной природной красотой. «Боттичеллиевской», как думал он про себя. Одета она была в простой белый, на древнегреческий манер перехваченный на плечах, хитон и стилизованную под старинные сандалии обувь. Длинные золотистые волосы обвивала во всю длину, до пояса, легкая лента. Единственным украшением стали старинные золотые серьги, спускавшиеся до самых плеч.

Это была семейная реликвия Корины, хранившаяся в их семье 200 лет. Если мать решила подарить их Хлое, это значило, что она не просто одобряла выбор сына, а считала его наиболее удачным. Он видел, что отец и мать, стоя в отдалении, и беседуя то с одним, то с другим знакомым, счастливы, не меньше, чем он. Леонидис был им благодарен.

Самой спокойной, не понимавшей, что происходит, была Хлоя. Она, действительно, мало заботилась успехом или неуспехом. Творчество – это ее жизнь. Картины и любовь Леонидиса – вот что волновало ее.

На следующий день почти во всех Афинских газетах, в колонке «культура» писали о выставке Хлои и ее необычном даре. Народ потянулся в студию. Леонидис проводил там все дни. Хлоя же не хотела терять ни минуты своего пребывания в Афинах. Она каждый день ходила в музеи, Акрополь, Парфенон и по-прежнему бесконечно делала наброски и рисовала.

Через две недели Леонидис и Хлоя отправились на остров. Оставшиеся до занятий дни Леонидис хотел провести с любимой, а поскольку она не могла не рисовать, постоянно бывал с ней на этюдах, наблюдая, как она пишет.

Манера ее письма резко изменилась. Тона стали более мягкими, пастельными, и почти в каждом пейзаже появились фигуры греческих богов. То дриады водили хоровод среди деревьев, то нимфы неслись по волнам, то охотница Артемида со своей свитой останавливалась отдохнуть где-нибудь в роще, а иногда среди облаков появлялась вдруг голова Зевса-Громовержца.

Такой новый подход даже пугал Леонидиса. Уж очень натурально все выглядело на картинах Хлои. Здесь не было стилизации, но был простор и свобода воображения. Леонидис старался все заснять на пленку. Он решил представить в Венеции фильм о молодой художнице, которая в своем творчестве воскресила Древнюю Элладу.

Молодые люди жили вместе в доме Леонидиса, но все вечера проводили у родителей Хлои, беседуя и веселясь. Они предавались и труду, и отдыху, и любви, и были счастливы.

В начале сентября Леонидис вернулся в Афины, а Хлоя в дом родителей. Каждый день они связывались по Интернету и, глядя в камеру, рассказывали друг другу очень подробно о том, как прошел день. Им хотелось создать иллюзию нерасставания. Но у Хлои появилась тайна, которой она не могла поделиться ни с кем. Леонидис почувствовал, что что-то произошло, а Хлоя не хочет его волновать. Он беспокоился и надеялся как можно скорее увидеть Хлою. Он уже сожалел, что решился оставить ее.

У Хлои действительно появились проблемы. Дело в том, что изображения богов на ее рисунках и картинах не были плодом воображения. Она видела их, говорила с ними. Они пришли к той, которая, как древние греки когда-то, могла разговаривать с богами. Девушка понимала, что рассказывать об этом в современном мире невозможно. Её сочтут сумасшедшей. Но счастье, которое она получала, общаясь с теми, кто одухотворял прекрасную природу Греции, переполняло её. Артемида, например, попросила нарисовать любимую собаку. Получив рисунок гончей, прыгнувшей за добычей, как бы летящей по воздуху, была обрадована, и, умчавшись вдаль вместе со своей охотой, в знак благодарности долго еще парила в небе, давая возможность запечатлеть себя. Прекрасная Афродита постоянно хвасталась красотой. Видимо ей надоело молчание, и теперь она часами могла говорить о себе, распускать волосы и придумывать всяческие невероятные истории.

Но больше всего Хлоя любила сидеть у Прохладного Грота. В том месте среди прибрежных скал, где местная речушка впадала в море, образовался много тысяч лет назад огромный грот. Он издавна почитался пастухами как обиталище нимф. Сюда уже три тысячи лет назад приносили дары: флейты, ленты, светильники, обувь и многое другое. До сих пор жители острова, забредая в грот, находят там старинные предметы. На стенах грота, если осветить его поярче, можно увидеть изображение танцующих или летящих по волнам нимф

и морских богов. Поговаривали, что одна нимфа живет там до сих пор. Её так и прозвали – Нимфа Прохладного Грота. Хлое так нравилось сидеть здесь и делать зарисовки, не только потому, что вечно изменчивое море всегда было ей интересно, но и потому, что Нимфа Прохладного Грота приходила к ней и была с ней нежна. Она обычно садилась за спиной Хлои, смотрела на ее работу, расчесывала ее волосы, ласково гладила их. Однажды Хлоя услышала тихий плач Нимфы, она не выдержала и спросила:

– Почему ты плачешь?

– Я тебя очень люблю?

– Любовь заставляет тебя плакать? Ведь я часто прихожу к тебе в гости, что же печалит тебя?

– То, что я не могу быть рядом с тобой. Это опасно.

– Почему?

– Потому, – печальным шепотом сказала Нимфа, – что я твоя мать, а Зевс твой отец.

Она старалась говорить как можно тише, чтобы не услышала мстительная Гера. Но лучше бы она этого не говорила, Гера все равно услышала!

Потрясенная тем, что обрушилось на нее, Хлоя посмотрела в глаза Нимфы, и встретила взгляд таких же, как и ее, пронзительно-синих глаз.

Нимфа с плачем убежала. А Хлоя медленно побрела домой, задумчиво глядя перед собой. Вечером, дождавшись, когда мальчики пошли спать, а родители сели с книгами в кресло, Хлоя спросила:

– Папа, мама! Я не ваша дочь?

Родители переглянулись.

– Откуда ты знаешь? – осторожно спросил отец.

– Мы ни одной живой душе не рассказывали эту историю, – добавила мать.

– Вы нашли меня в Прохладном Гроуте? – спросила Хлоя.

– Я не пойму, как ты узнала, – вздохнул Дриас, – но придется тебе все рассказать.

Двадцать лет назад, когда мы с твоей матерью поженились, я был беден, и сам пас свое небольшое стадо овец. Однажды одна овца, у которой только что появился ягненок, исчезла часа на два. Я сильно разозлился и пошел ее искать. Нашел я ее в Прохладном Гроуте. Она лежала возле прелестной новорожденной девочки и поила ее своим молоком. Эта девочка была ты. С тобой ничего не было, никаких знаков, никаких крестиков или амулетов, только лежала ты на белой ткани необыкновенной красоты. Она до сих пор хранится у нас в сундуках. Мы подождали неделю, но никто не заявлял о пропаже ребенка. К тому времени мы были женаты почти два года, но детей у нас еще не было. Вот мы и решили, что какая-то богатая туристка, наверное, американка, приехала сюда, чтобы тайно родить и оставить ребенка. Поэтому мы не стали заявлять в полицию, а объявили, что у нас неделю назад родилась дочка. Поскольку мы нашли тебя как в старинном романе, в пещере, то и назвали тебя – Хлоя. Но откуда ты узнала об этом? Ведь мы никому не говорили, а тебя любим, как родную дочь, даже больше.

– Просто, – тихо сказала Хлоя, – я вспомнила Прохладный Грот.

Родители не стали больше ни о чем спрашивать девушку. Они знали ее необыкновенные способности.

Но могучая богиня, великая Гера не могла забыть того, что услышала.

Как!? Ей казалось, что за последние две тысячи лет она припилила Зевса к своей юбке. А, оказывается, он за ее спиной опять шляется и делает детей. Она этого так не оставит. Она сумеет отомстить.

Гера знала, что грозный Посейдон, бог моря, возненавидел людей, что он давно вынашивает план мести за то, что они испоганили воду и землю, и возомнили себя полубогами. Он мечтал, когда настанет его час, огромной волной накрыть землю и смести недостойных,

глупых людишек с лица земли. Он хотел, чтобы все боги, все нимфы, его дочери, все морские божки были на его стороне, и оттого запрещал им общаться с людьми, а своим дочерям велел оставаться девственницами до тех пор, пока не придет их час, их время заселять землю. И вот одна из его дочерей послушалась Посейдона, предала его. Более того, плод своего греха она отдала на воспитание людям. И тем самым сделала ее человеком.

Все это Гера змеиным шепотом изложила Посейдону, и вызвала в его душе такую ненависть, что ничто, кроме гибели Хлои, не могло успокоить его.

Посейдону не пришлось долго ждать. Наступила глубокая осень. Мало кто выходил теперь к морю, особенно здесь, в северной части острова, где стояло всего несколько домов, разбросанных вдали друг от друга. Однажды, ближе к вечеру, Хлоя гуляла в одиночестве вдоль берега моря, откуда долетали холодные брызги. Она шла к Прохладному Гроту и о чем-то задумалась. Она даже не увидела, как огромная волна взвилась над морем, одним махом охватила весь берег, поднялась до вершин холмов и схлынула, утащив Хлою на дно. В последний миг ей показалось, что Нимфа Прохладного Грота пытается спасти ее, но Посейдон, восстав, как черная могучая туча, с грохотом выбросил Нимфу на скалы, и, если бы ни бессмертие, данное ей, она непременно погибла. Страшным стоном проводила она смерть своей единственной дочери.

Рыбаки, бывшие поблизости, едва удержались на своих судах. Позже, рассказывая Дриасу и Напе, что произошло, они крестились и благодарили Бога, считая, что только чудо спасло их, ибо море мгновенно успокоилось, как будто приняло долгожданную жертву.

Родители Хлои горевали до конца своих дней, но смирились с потерей. Они считали, что Хлоя пришла неведомо как в этот мир, и также ушла из него.

Леонидис выкупил студию, в которой проходила выставка Хлои, он создал там музей, где выставил все работы безвременно погибшей молодой художницы. Фильм Леонидиса о Хлое и ее творчестве завоевал первый приз на Венецианском кинофестивале в разделе «Дебют», что способствовало его дальнейшей блестящей карьере.

Он женился через много лет после гибели любимой, а свою дочку назвал Хлоей. Каждый год Леонидис приезжает на остров хотя бы на неделю, подолгу гуляет возле Прохладного Грота, и, глядя на море, никак не может понять, почему именно Хлою, юную, прекрасную и талантливую, море выбрало своей жертвой.

Нимфа Прохладного Грота исчезла. Во всяком случае, никто её больше не видел.

Гера сполна насладились своей мстостью.

Орфей и Эвридика Из книги «Сны и сновидения»

сон 2-й «музыкальный»

Всё действие происходит в полутьме, в сером тумане.

В этом сне много музыки. В самом начале звучат две ноты, как будто каплют, бесконечно и монотонно, капли дождя.

Пререкания Аида и Персефоны проходят под джазовую импровизацию.

Разговор Эвридики и Орфея идет под музыку Вивальди или Моцарта. А в конце звучит «Болеро» Равеля.

Действующие лица:

Орфей
Эвридика
Аид
Персефона
Данаи
Тантал
Сизиф
Гермес
Менады

ОРФЕЙ

Одиночество. Здесь нет природы, нет звуков, не колыхнется воздух. Капля не капнет. Обволакивает темнота, и воздух – нет, черный туман, – удушлив как зловонное болото. Плы-
вем по реке – ни всплеска, ни движения.

Черное... нет, это не туман... Ужасно... Рука проходит сквозь тень, и руки не видно, ни признака зги. Кричи, плачь навзрыд – ни звука, – и нет свидетелей. Эй, Харон, я плыву в ладье мертвых, но не вижу тебя.

ХАРОН

Смерть не видят – ее чувствуют.

ОРФЕЙ

А когда смертью пропитан воздух?

ХАРОН

Тогда достаточно отворить окно, чтобы умереть.

ОРФЕЙ

Я так хотел умереть, но боги не исполняют желаний. Они издеваются над смертными: помянут любовью и убьют ее, дадут богатство и отнимут, молодость и здоровье превращают в немощь, а когда мы хотим умереть по доброй воле – не посылают Танатоса, считая излишней роскошью смерть по собственному желанию и усмотрению.

ХАРОН

Мелочны вы, живые людишки, вечно вас что-то заботит. То ли дело мертвые души – они ничего не хотят, любо-дорого иметь с ними дело.

ОРФЕЙ

Душно, как душно! Глоток воздуха! Страшно, что нет звезд. Пустая вселенная, немое пространство; и все – без конца и без края: мертвость темноты, вечный туман, монотонность невидимого.

ХАРОН

Прибыли, тяжелый пассажир. Кабы не приказ богов, ни за что не повез бы такой груз, того и гляди, продырявит лодку.

АИД

Привет, тебе, Орфей. Ты так долго и так поэтично плакался перед богами, что они попросили впустить тебя в Тартар. Чего ты хочешь?

ОРФЕЙ

Верни мне Эвридику.

АИД

Это невозможно.

ОРФЕЙ

Я расскажу тебе о любви и страдании. Даже скалы роняют слезы, слушая песню, поймешь и ты, и отпустишь Эвридику.

АИД

Меньше фантазии. Ад и поэзия несовместимы. Ад – это темнота, в которой нет места поэзии.

ОРФЕЙ

Даже черные души раз в жизни испытывают благодать вдохновения.

ПЕРСЕФОНА

Мы слушаем тебя, Орфей.

ОРФЕЙ

Мне снился сон...

Представьте: лето на исходе. Рано утром восходит солнце. Леса, луга, поляны покрываются холодной росой. Воздух полон аромата, дышится легко. Ко мне сквозь рощу кипарисов текут друзья, спешат проститься – я в гробнице. С последним поцелуем ко мне клонится Эвридика. И слышится мой голос: Прощай, жена. Какие б унижения и испытания я не перенес – ты была мне опорой, защитой и наградой. Прощаюсь с миром: в жизни мне лишь слово, любовь и воздух надо.

Я проснулся. Все есть: и солнце, и луна, и воздух, и друзья. Любимой нет; той женщины, что была вдохновением, чьи поцелуи, как пылающая звезда, чьи ночи – раскаленная бездна.

Если боги отказывают мне в смерти – верните Эвридику, чтобы жить.

АИД

Прекрасная песня. Ты истинный поэт, но что с того?

Все в мире подчинено порядку судьбы. Мойры плетут свою нить, Фемида взвешивает на весах ваши грехи, Феб объезжает землю на колеснице, смертные умирают, царства погибают, боги исчезают – и ничто не меняется, смерть бесконечна и благодатна. И боги подчиняются этому порядку – я ничего не могу изменить.

ОРФЕЙ

Но и река может вспухнуть от слез и выйти из берегов, птицы – закричать человеческим голосом, рыбы взмолятся, звери застонать, гранит распахнуть замурованную душу, незыблемая твердь земли заколебаться, если лишить их любви.

АИД

Смерть непреклонна.

ОРФЕЙ

Но ты ее повелитель.

АИД

Я не могу отдать приказ, опровергающий мою власть.

ПЕРСЕФОНА

(Иронично). Не бойся, никто не лишит тебя власти. Мало жаждущих заточить себя в подземелье.

АИД

Дорогая, ты рассуждаешь по-женски. Я знаю, ради глотка свежего воздуха, ясной лазури и ласк прыщавого смертного юнца, ты готова сбросить юбки и отдать венец. Ты не понимаешь наслаждения власти над душами, власти повеления и наказания.

ПЕРСЕФОНА

Твоя власть жестока, но и в жестокости ничтожна. Даже вечные муки не отличаются разнообразием: Данаи без конца носят воду в бездонный сосуд, – у нас вечно налито, грязь, и трон отсырел. Сизиф катает свой камень – шум как от взлета реактивных лайнеров. Тантал воет от ужаса, голода и жажды. И этому нет конца. Мы наказаны больше, чем они.

АИД

Мое наказание – вечный брак с тобой.

Когда Тесей Персифой потребовал тебя, ты ласточкой вострепелась, рвалась на свет божий. Пойди, посмотри на женишка Персифоя – он без конца проклинает тебя за то, что усажен на каменную скамью. Я же не только тысячи лет разделяю с тобой трон, но и пре-рекаюсь.

ПЕРСЕФОНА

Оставим эти дразги. Цепи брака страшнее тьмы подземелья. *(Орфею)*. Милый юноша, что внушило тебе страсть к песнопению?

АИД

(В сторону). Светская любезность.

ОРФЕЙ

Не знаю. Апполон витал надо мною еще в младенчестве. Как только начал я различать предметы, соединять их названия и выявлять суть, я стал давать им свои определения, я видел душу каждой вещи, говорил с ней, сочувствовал и сострадал. В деревьях я разговаривал с Дриадами, в воде – с Нимфами; красота розы поднимала меня на Олимп, звезды бросали в бездну мироздания. Иногда я как Икар парил подле солнца, смеялся или ссорился с ним.

АИД

Поэтические восторги мне непонятны. Что-то лицемерно-слащавое есть в них. Излагать свои чувства в словах и рифмах доставляет тебе удовольствие?

ОРФЕЙ

Это дыхание...

ПЕРСЕФОНА

И все же?..

ОРФЕЙ

Поиск слова – тяжелее сизифовых трудов. Бывает, что от напряжения выступает смертный пот, кровь выходит через поры, жилы лопаются. Чувства и страсти так сильны, что ты подчиняешься им как раб, и, кажется, готов отринуть весь мир, чтобы найти точное слово, иначе – смерть.

ПЕРСЕФОНА

Тогда что же такое – твоя поэзия?

ОРФЕЙ

Хриплый стон умирающего.

Мы, смертные, вызываем к жизни все новые и новые виды смерти, находя в этой игре и некую забаву. Газовые камеры и тюрьмы, концлагеря, атомные бомбы, нейтронные лучи. (Аиду) Ты наверное уже устал знакомиться со своими новыми помощниками. Твой ад – это чистилище, ибо на земле каждая песчинка пропитана кровью, каждый лист – предсмертным хрипом. И всё же я пою о любви. Я должен слышать, как плачут тучи, и молится небо. Я прислушиваюсь к дождю, к ритму капель на крыше, к рифме стука паровозных колес. А потом я сижу перед чистым листом, и сражение порой заканчивается моим поражением и смертью, а порой любовью и недолгим поцелуем откровения.

АИД

Как много красивых слов. Но такие муки – чего ради?

ОРФЕЙ

Бывают минуты, когда я – держатель вселенной. Вместе с ночью ловлю в воде звезду и трепещущей рукой опускаю в траву. Подслушиваю соловьев и врываюсь в их песню, сбивая с толку; забираю листья у деревьев и, одевая их трепещущий наряд, танцую до зари в своих стихах и песнях.

АИД

Очень мило.

ПЕРСЕФОНА

Ужасы ада не так страшны как жизнь.

АИД

(Персефоне). Вот видишь, милочка, от чего я тебя избавил.

ДАНАИ

(Несколько еле слышных голосов).

– Мы слушали его с восторгом.

– О, как он любит...

– Благословенны жены, не убивающие своих мужей!

АИД

Распищались!

СИЗИФ

Будь милосерден и в жестокости!

ТАНТАЛ

Ну, ты, раб собственной власти, прояви благоразумие, Тебя воспоют как милостивого бога. Не упусти случай, а там и все поэты станут приветствовать тебя как избавителя.

ПЕРСЕФОНА

Дай ему взглянуть на тень Эвридики, и, если он не устрасится и сумеет уговорить ее, прими то решение, которое покажется себе выгодным.

АИД

Ну, хорошо. Гермес, приведи Эвридику.

(Орфею). Не обольщайся. Твоей Эвридики больше нет, она исчезла, умерла, истлела. Ты увидишь лишь ее тень. Это нечто такое, перед чем отступаю даже я. Душа видит, слышит, понимает, желает, но не чувствует. То, что человек называет чувством, ощущением, недоступно ей и неинтересно.

ОРФЕЙ

Не было женщины красивее Эвридики. Она вся – музыка, вся – поэзия. Она дышала любовью и поэзией, только она могла вызвать человека в загробный мир корней и перво-родства.

АИД

Страшно быть поэтом. Они слышат только себя.

Берегись. Души не говорят – их мысли проникают в мозг, ты ощущаешь их, но не слышишь. Отныне, где бы ты ни был, каждую ночь душа Эвридики станет приходить к тебе. Тот, на кого падет роковой выбор, или погибнет, или сойдет с ума. Тени беспощадны и нет от них спасения. Ты искал любви, а обретаешь смерть. Прими же судьбу – ты ее выбрал.

ГЕРМЕС

Тень омрачена. Переход из светлого царства покоя в скорбный Тартар опечалил ее.

ПЕРСЕФОНА

Эвридика, вот твой муж. Рада ли ты?

ЭВРИДИКА

Мне все равно.

ОРФЕЙ

Я не умер, я жив. Я пришел за тобой.

ЭВРИДИКА

Мне совершенно все равно.

ОРФЕЙ

И о мертвой женщине – я думал только о тебе. В отчуждении смерти – твоя сила. Я хочу говорить с тобою, чувствуя, что меня слышат и понимают; без тебя – вокруг пустота и глухонемые лица.

ЭВРИДИКА

Я не могу говорить – у меня нет гортани, нет языка.

ОРФЕЙ

Вспомни, вспомни листву в саду, обрызганную утренним солнцем и запахом свежего пара земли, вспомни сентябрьские цветы, их мелкую нежную резьбу: голубовато-лиловые астры, напоенные воздухом хризантемы, тонкий изразец багрового кленового листа. Вспомни музыку. Рояль в полутемной комнате, лунные блики, млечный путь.

ЭВРИДИКА

Не помню. Музыка – душа плоти, а плоть истлела.

ПЕРСЕФОНА

Души бесстрастны, как сама судьба.

ОРФЕЙ

Я буду целовать тебя как прежде. Я океан волью в поцелуй – и он оживит тебя. Я уложу тебя в траву, а в глубине веков и пространств будут пылать звезды, и ты воскреснешь. Из хаоса я выведу тебя на свет, и ты преобразишься.

ЭВРИДИКА

Мне не нужны поцелуи – у меня нет губ.

Преображение? Зачем? Безразлично, тьма или свет.

ОРФЕЙ

Вспомни: таяние свечи, и мы сгорали перед свечой. Вспомни пряный душный запах сирени, и как мы задохались, осыпанные робким дождем ее мелких цветов.

ЭВРИДИКА

У меня нет желаний.

ОРФЕЙ

Боги! Воскресите в ней хоть одно чувство!

АИД

Это лишь призрак, потусторонняя субстанция, и даже я не могу тебе помочь, она вернется в плоть только собственным желанием. Человек умирает, чтобы отдохнула душа.

ОРФЕЙ

Ты помнишь, Эвридика, в нашей темной спальне воздух дрожал и рассыпался. Соленые как соль слезы катились их твоих глаз и высыхали на губах. Море отхлынуло от берега.

Ночь угасала. Звезды мчались, завершая перед зарей немислимый хоровод. И мы любили друг друга.

ЭВРИДИКА

Слова... слова... слова...

ПЕРСЕФОНА

Чудо рассвета... нежность травы... Жаль, что не мне звучат твои слова, Орфей.

(Орфей молчит).

АИД

Орфей, ты не отвечаешь на мольбы богини. Отвергнутая женщина ужасна, а богиня опасна. Тебя ждет страшная смерть.

ОРФЕЙ

Я приму любую смерть, но верните мне Эвридику.

АИД

Но у нее нет ничего, что могло бы напомнить о чувствах.

ОРФЕЙ

Я так одинок. Все отреклись от меня. Я не умею славить хищных властелинов и жалких поденщиков, не признаю лжи и лицемерия... Я не могу фальшивить. Счастье – это когда соловей настраивается на мою песню и природа замирает, прислушиваясь.

АИД

Противодействие сильным мира сего приближает смерть. Во все времена нравы приспособлялись к властвующим.

ОРФЕЙ

Постой, Аид. Дела земные я оставил на земле. Дай я спрошу ее. *(Эвридике)*. Я хотел, Эвридика, чтобы после смерти ты завернула меня в старый плащ и положила в могилу на берегу моря, чтобы душа моя слушала шум прибоя и разговор воды и неба. На закате ты указала бы мне, как багровое солнце ладьей падает на горизонте, и под ним на мгновение вспыхивает зеленый луч, рассылая от дна морского до небесных пучин золотисто-зеленые радуги.

ЭВРИДИКА

Ты взял себе солнце и песни, а мне оставил грязные сандалии и рваный плащ.

ОРФЕЙ

(Устало). Я тоже хочу умереть, но боги не присылают смерть. Наступили мрачные времена, жалкий век. Пусто и глухо пространство вокруг. Некому сказать: печаль, тоска, фальшь – слова канут в Лету. Равнодушие перегрызло мне горло, я мечусь по улицам, но не вижу лица, в котором бы теплился огонек. Глухое время. Крики гибели и отчаяния не слышит никто. Жизнь непоправимо изолгалась.

ЭВРИДИКА

Все кричат, и никто не слышит. Я устала слышать.. Я стала такая как все.

ОРФЕЙ

Слезы прикипели в груди. Что-то душит меня и заставляет забыть важное, истинное. Но я хочу жить, а жизнь – это ты. Ты в каждой травинке, каждом звуке, каждой песне. Ты не умерла. Ты только должна воплотиться, тогда жизнь станет явью, а смерть – иллюзией.

ЭВРИДИКА

Нет. Там – все мука, все страдание. Ты вызывал насмешки, – я брала их на себя, тебя побивали камнями – я закрывала тебя, тебя отправили в Скифию – я была с тобой. Я ни в чем не предавала тебя: бодрила дух, когда ты впадал в отчаяние, добывала пищу, когда приходил голод, одаривала любовью, когда ты выл от одиночества, согревала, когда ты замерзал, а у тебя была лишь одна любовница – песня. Ты убивал меня изо дня в день и не видел этого. Ты выжигал в себе по капле все чувства, все желания, чтобы холодно и трезво смотреть

на жизнь. Ты убивал мою любовь, чтобы она не мешала тебе. Непреходящая боль – вот чем была моя жизнь. Я умерла. Оставь душе покой.

ОРФЕЙ

Я не умер, только потому, что ты была со мной. В нищете, в холоде, во мгле, в снегах – ты была музыкой и спасением. Нищета становилась роскошью, темные дни и светлые ночи ты превращала в покой труда и наслаждения. Теперь же меня пугает вой ветра и шуршание листьев. У тебя, у тени, прошу милости и защиты от смерти.

ПЕРСЕФОНА

Ты боишься смерти? Что ты оставляешь на земле?

ОРФЕЙ

Горькие слова. В моей речи – несчастье и пепел, в ней черная смола воспоминаний и глыбы труда. В моей речи хранится та человеческая совесть, которую нельзя вытравить смертью, подкупом и глупостью. Клянусь, я говорил правду и только правду, и если сожгут мои слова, боги сохранят в памяти речь.

АИД

В пепел обращаются и рукописи и храмы.

ОРФЕЙ

Но память о веке, о людях, чьи года составили время истории?

АИД

Стирается. Время измеряется тысячелетиями, а столетия, как минуты, канут в Лету.

ОРФЕЙ

Но моя смерть не будет позорна. Я не склонялся ни перед чернью, ни перед тираном, и когда призрак смерти встанет передо мной, душа моя вырвется из тесной оболочки и обретет весь мир...

АИД

Даже я не знаю, что обретает душа после смерти. Загробная жизнь у каждого своя, как и земная. Все скрывается в смерти. Бездонность времени страшнее бесконечности пространства, ибо что-то имеет конец, а время – ничто. Страсти человеческие смешны перед ним. Вы еще не осознали существование как абсурд. Легче быть мертвым, чем живым, ведь жизнь – иллюзия.

ОРФЕЙ

Стужей веет от твоих слов. Холодом, тихим и ясным, как морозная ночь. Все бело и черно Одновременно холод льда, миры ледяных пространств, отчужденные и бесстрастные. В грешном танце пурги не видать ни зги, и бредешь наугад, не встречая преград в отдаленных мирах и близких словах. Приходит горький час – настигает безумие нас, и слезы текут из глаз в пустоту.

ЭВРИДИКА

Я пойду с тобой!

(Орфей молчит и неотрывно смотрит на

Эвридику. Потом медленно говорит)

ОРФЕЙ

Мне кажется, что пронеслась гроза, и воздух рая перелился в ад. Все ожило, и свежестью наполнен сад. Все светится, и тени черной копоти вдруг загорелись синевой небесной. Все светится, и зелень сада, омытая дождем, дрожит как девушка под первым поцелуем.

АИД

Ну и краснобай.

ЭВРИДИКА

(Безнадежно). Он ничего не понял.

ПЕРСЕФОНА

Он художник. Даже с богов Олимпа – этих ветхих забытых вещей – он смыл пыль и грязь. Жизнь преображается под его рукой. Действительность не узнает себя в его воображении, но в его душе она более правда, чем сама быль. Потрясения и перевороты лишь сметаю людей, а пламенные души, преобразуют мир.

АИД

(Персефоне) На старости лет ты стал сентиментальна. *(Орфею)*. Эвридика уйдет с тобой, но пока она в моем царстве, она принадлежит мне. Не оглядывайся, пока вы не выйдете из Тартара, иначе она вернется ко мне. Гермес, проводи их.

(Уходят).

ЭВРИДИКА

Я вновь бреду за ним покорной и безвольной тенью, туда, где он предаст меня, отдавшись страсти песнопения. Туда, где одиночеством пьяна, я закричу от замкнутых дверей и темных окон, и воздух там еще мертвей, чем воздух ада.

Оглянись, Орфей! Ты так этого хочешь! Не я тебе нужна, а песня. Высохла душа, – и трезвые слова бредового стиха сложатся без меня. Перед листом, дыша воспоминанием, ты испытаешь радости свидания, горечь, боль – всю ложность чувств и фантазии правдивой.

ОРФЕЙ

(Остановившись). Где она? Идет ли за мной?

(Продолжает идти).

ЭВРИДИКА

Лгать самому себе поэт не должен. Внимательно взглядишь в добро и зло, и, если мир уродливо скукожен, – ему на честность страшно не везло. В глубине души меня задуши, себе ворожи от вражьей стужи. Меня отпусти без униженья и лжи. Я не могу, как прежде, умирать каждый день без любви, без радости, в горькой отрешенности от тебя. Я ушла в ад, но ничто не изменилось. Я нужна тебе для тебя. Отпусти – и ты будешь счастлив.

(Орфей оглядывается. Эвридика удаляется.

Орфей застывает, пораженный).

ОРФЕЙ

Эвридика!

ГЕРМЕС

Не кричи. Ты проиграл, потому что хотел проиграть. О чем тебе было петь с ней? О старой любви? Неинтересно. Уже в аду ты понял, что нужно петь утраченную возлюбленную и свои муки. Ты даже забыл об Эвридике и замурлыкал вслух, а потом спохватился и стал раздражительным, но не знал – как теперь избавиться от нее. Она все еще любит тебя. Она поняла и заставила тебя оглянуться. Ты даже богов обманул своим красноречием, но не любящую душу. Прощай. Теперь у тебя есть песня и нет души.

(Гермес удаляется).

Орфей выходит из пещеры, обозначающей вход в ад. Наконец есть свет, воздух. Внизу под скалой плещет море.

Яркие краски. Все вокруг сине-голубое, ярко-зеленое, радостное.

Слышны страстные звуки. Это приближаются Менады. Когда они подходят к Орфею, он начинает танцевать вместе с ними.

ЧАСТЬ 2. ИУДЕЙСКИЕ ТЕТРАДИ

Время разбрасывать камни

I

Я родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода Великого, в тридцатый год правления императора Августа. В год моего рождения ходили по Израилю и Иудее волхвы и говорили: «Родился в Вифлееме царь иудейский». Услышав это, царь Ирод возмутился, и повелел всех младенцев в Вифлееме вырезать. Мать моя, Мириам, испугалась и уговорила мужа своего каменотеса Якова бежать в Египет и переждать страшное время. Яков послушался, и они ушли в Египет, в страну изгнания.

Было мне от рождения 6 месяцев, но я помню грудь матери моей, и тепло ее, и улыбку, звезды над головой и глубину ночи, и как счастлив был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.